

Д. Н. Разеев

Феноменология науки *

Словосочетание «феноменология науки», как и всякое другое, вводимое в философский контекст, нуждается в предварительном пояснении. Феноменологию науки можно понимать по-разному: во-первых, как простой процесс описания такого знания, которое мы именуем научным; во-вторых, как конкретный методологический подход к науке и научному знанию, выработанный в рамках одной из известнейших философских школ XX столетия; и, наконец, в-третьих, как науку, изучающую комплекс феноменов, с которыми работает наука вообще. Чтобы устранить терминологическую многозначность и показать тем самым, что данное словосочетание не является произвольным, сразу же укажем, что феноменология науки есть не что иное, как часть философии науки. Однако было бы неверным полагать, что феноменология науки просто тождественна так называемой феноменологической философии науки (наряду, например, с аналитической философией науки или постмодернистской философией науки), т. е. под феноменологией науки не следует подразумевать исключительно методологический подход к проблемам, которые ставятся в дисциплине, именуемой с середины XX в. философией и методологией науки.

Учитывая вышесказанное, задачами данной статьи будут, во-первых, объяснение того, почему феноменологическая концепция философии науки привлекает к себе внимание ученых в рамках философии науки, во-вторых, что представляет собой феноменологическая концепция науки Гуссерля, а также, в-третьих, демонстрация того, почему феноменология науки не исчерпывается феноменологической методологией в философии науки, но представляет собой часть философии науки, связанную в предметном отношении с так называемой идеей науки.

I

Феноменологическая версия философии науки возникла намного позднее самой феноменологии, несмотря на то, что ее основатель Э. Гуссерль посвятил ряд крупных работ феномену науки. Имеются в виду прежде всего «Феноменология и фундамент наук», известная как третий том «Идей к чистой феноменологии и феноменологической философии»¹, пока не переведенная на русский язык, а также готовящийся к публикации перевод на русский язык последнего сочинения Гуссерля «Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология»².

Был ли Гуссерль, сделавший предметом своей философской рефлексии понятие «наука», философом науки в современном понимании этой дисциплины в рамках философского знания? Скорее всего нет, так называемая феноменологическая версия философии науки не была ни открытием самого Гуссерля, ни собственно целью задуманной им философской системы. Возможно, она стала поздним изобретением философов науки, воспринявших рефлексии Гуссерля о самой науке как особом феномене. Стало быть, интерес Гуссерля к сфере науки надо отделять от интереса тех мыслителей, которые, начиная с 30-х годов XX в., обозначили школу философии науки как раздел философского знания.

Напомним, что философия науки возникает как направление, имеющее четко ограниченные задачи и цели, идущие от неопозитивизма и логического эмпиризма Венского кружка.

* Статья написана в рамках проекта «Феноменологические основания науки», поддержанного программой Министерства образования РФ «Университеты России», грант № УР.01.10.044.

Изначальный замысел философии науки – систематическое исследование научных подходов или методов, отчасти поэтому философия науки именуется также философией и методологией науки. С помощью современной логики, а также логики, которая начинает вырабатываться в этой новой философской дисциплине, философия науки исследует формы научных понятий и высказываний, анализирует структуру научной аргументации, пытается прежде всего отследить их *функцию* в науке вообще. Казалось бы, фигура Гуссерля вполне естественно встраивается в число сторонников философии науки: с одной стороны, его интерес к феномену науки, с другой стороны, тот же логический анализ высказывания, выражения, понятия. И несмотря на это, Гуссерль, на наш взгляд, не может быть признан классиком философии науки наряду с Р. Карнапом, К. Гемпелем, В. Штегмюллером, К. Поппером, Т. Куном, П. Фейерабендом, П. Лоренцем или Куайном. Причина кроется в том, что, имея перед собой соответствующий философии науки предмет исследования, Гуссерль не признавал его в качестве самоцели своего общего замысла. Поэтому те выводы, к которым он пришел в своих исследованиях, с трудом поддаются даже элементарному сопоставлению с выводами вышеназванных классиков.

Феноменологическая версия философии науки – это современная неклассическая философия науки, или, если подчеркнуть позитивный характер, который может внести феноменология Гуссерля в современную философию науки, *постклассическая философия науки*.

С чем связано обращение современной философии науки к феноменологии? Здесь можно назвать три причины. Во-первых, философия науки в последнее время перестала ориентироваться только на точные науки, она все чаще обращается к так называемому социогуманитарному знанию; во-вторых, философия науки, будучи долгое время по сути не чем иным, как теорией или метатеорией науки, решила подтвердить свой статус именно *философской*, а не просто позитивной научной дисциплины; в-третьих, философия науки, возникшая в конкретной исторической ситуации как ответ на требование философского знания, сегодня вынуждена ориентироваться на новые задачи, которые ставит перед собой философия в наши дни.

Именно вышеуказанные причины дают определенное преимущество феноменологии перед другими философскими направлениями для интеграции в современную философию науки. Действительно, феноменология с самого начала заявляла о своем методологическом приоритете для гуманитарного знания, составляя, по словам Гуссерля, «существенный эйдетический фундамент психологии и наук о духе»³. Кроме того, феноменология не могла ограничиться и рамками просто метода для гуманитарных наук, т. е. быть *теорией* гуманитарного знания, она сама претендовала на статус *науки*, причем науки основополагающей; не случайно не переведено на русский язык примечание Гуссерля к 7-му параграфу первого тома «Идей к чистой феноменологии и феноменологической философии», касающееся математики как идеала наук: «Но очевидно, что математический идеал не может быть значим повсеместно. Только не для феноменологии».⁴ На наш взгляд, эти слова о математике, странно звучащие из уст математика Гуссерля, свидетельствуют о его далеко идущем намерении сделать из феноменологии такой идеал для гуманитарных наук, каким является математика для наук естественных.

Особый вопрос – это соответствие феноменологии тем задачам, которые ставит перед собой философия сегодня. Остановимся на этом подробнее. Будем придерживаться той точки зрения, что, несмотря на многообразие направлений в философии в любой период ее становления, всегда имелся и имеется определенный центр притяжения философских интересов, не оставляющий равнодушным ни одного из философов и составляющий парадигму философствования или даже философскую эпоху. Это вовсе не противоречит позиции тех, кто считает, что предмет философии един и неизменен со времен открытия в античности такой формы умственной деятельности, как философствование, и является не чем иным, как безусловно всеобщим. Однако природа человеческого разума такова, что он не способен охватить безусловно всеобщее непосредственно, соответственно разум, апеллирующий к бесконечному и

абсолютному, сам вынужден жить историческим образом. Философские эпохи, или парадигмы философии, — это следствие исторического характера нашего разума, который вынужден подходить ко всеобщему со стороны особого феномена (условно всеобщего), который представляется ему в тот или иной период адекватным выражением безусловно всеобщего. Однако философская мысль также осознает свой конечный характер, развиваясь в условно всеобщем до тех пор, пока не осознает, что она не может *только* на его примере постигнуть безусловно всеобщего. Тогда ей остается возможность либо найти новое условно всеобщее, изменив парадигму своего вопрошания, либо отвергнуть саму возможность адекватного постижения безусловно всеобщего. Трудно не согласиться с выводами тех исследователей, которые выделяют в истории философского знания ряд основополагающих этапов или так называемых философских эпох⁵. Нужно понимать, что философия науки как направление отнюдь не являлось случайным изобретением некоторых мыслителей XX в.; повторим, философия науки — это ответ на требование, которое философское знание предъявило и к себе, и к так называемому научному познанию в *конкретную* историко-философскую эпоху. Но что же такое философские эпохи?

Первая философская эпоха, как нетрудно догадаться, связана с возникновением философской мысли в Древней Греции, а также с той гениальной интуицией древнегреческих мыслителей, которая и дала дальнейшую жизнь философии вообще; мир есть, а не не есть, мир являет себя нам, постигающим этот мир, в установке удивления от того, что что-то вообще существует. По словам Платона, именно «удивление» лежит в основе философии⁶. Тогда же, в ту эпоху, впервые возникает и феномен науки. Наука есть знание того, что остается неизменным в постоянно становящемся мире; древнегреческие мыслители называли это неизменное бытием, тем, что пребывает вечно. Возьмем Фалеса, Анаксимандра, Анаксимена, Демокрита или позднее Платона, все они искали неизменное, называя это «водой», «воздухом», «апейроном», «атомом» или «эйдосом». Первую эпоху в философии называют натурфилософией, поскольку бытие постигалось как природа. Выразителем этой эпохи стал Аристотель, и он же был, если угодно, первым философом науки, потому что, в отличие от всех предшествующих философов, провел разграничение между постижением неизменного в природе и выражением неизменного в мысли и слове. Это фундаментальное различие между *постигаемым* и *выражаемым* стало характерной чертой философии науки, возникшей позднее, когда она уже закрепились институционально, т. е. в университетах и научно-исследовательских центрах, в научных журналах и в отдельных секциях на научных конгрессах.

Философская эпоха бытия как природы не могла существовать вечно; развертывая себя в истории, она не могла более выполнять свою главную задачу — то, что философы обнаруживали в природе как вечно неизменное, становилось все более абстрактным. Первая эпоха философии завершилась в неоплатонизме, апеллирующем к Единому, постижение которого стало невозможно положительным способом. Те, кто считают Средние века просто временем религиозного забвения человеком своего разума, сами забывают о том, что средневековые — это не просто историческая эпоха, а эпоха мысли, эпоха особого философского мировоззрения. Средневековые — попытка удержать неизменное в слове, носящем божественный характер. Средневековые находят в Слове фундамент бытия, удерживающий постоянно становящийся мир. Схоластика представляет собой новую форму науки, пришедшую на смену античной физике; именно науку, поскольку схоластика вобрала в себя восходящий к античности идеал науки: найти в изменяющемся мире неизменное, дарующее становящемуся его бытийный статус. Подлинное, т. е. независимое ни от чего иного, бытие для мыслителей средневековья — это Божественное Слово. Только высказывая Слово, Бог создает мир, который, если бы он оставался невысказанным, оставался бы в Божественном Уме в качестве возможности. Средневековые длилось почти тысячу лет, пока сохранялась вера в конкретность божественного Слова. Но и в эту философскую эпоху нашелся мыслитель, которого, опять же условно,

можно назвать философом науки, потому что он чувствовал кризис современной ему науки, т. е. схоластики. Этот философ — Уильям Оккам. Его философская концепция — ответ на требование научного знания его эпохи. Оккам развил методологию схоластики, когда пришел к выводу об условности словесного выражения. Язык науки — язык знаков (естественных и условных). Если это так, то Слово больше не может быть тем неизменным, которое искала философия как наука.

Все это приводит к возникновению новой парадигмы, к науке Нового времени, которая, как наука, вновь стремится найти безусловное и неизменное знание. В философских построениях Р. Декарта и Ф. Бэкона явно выражены основные элементы новой парадигмы: подлинное знание — это знание собственного сознания, поиск в сознании подлинно очевидного. Мы совершенно не понимаем новоевропейского понятия «опыт», если не улавливаем того, что речь идет не об окружающем нас мире, а о первых очевидностях нашего сознания, только в котором и «имеется» то, что невозможно изменить никакими спекуляциями. Новая парадигма, понимая неизменное бытие как сознание, рождает и новую критическую мысль относительно того, что из безграничного опыта сознания пригодно для научного знания. Так рождается первый позитивизм, очередная (особо отметим, что не первая, как это полагают многие) форма философии науки. Заметим, что Огюст Конт, которого часто называют противником всей предшествующей философии, боролся вовсе не с философией, а с тем, что он называл «метафизикой» в философии. Он не пытался поставить философию с ног на голову, как это довольно часто воспринимается; целью его философии науки была разработка соответствующей требованиям его времени, его философской эпохе, методологии работы с очевидностями сознания. Позитивная философия Конта позитивна ровно настолько, насколько позитивны все предшествующие и последующие виды философии науки, — очистить научное знание от всего, что мешает постигать неизменное, являющееся фундаментом всего изменяющегося бытия. Позитивизм Конта оказался в более сложной ситуации лишь потому, что неизменное бытие наука Нового времени пыталась обнаружить в сознании человека.

Но и критическая прививка позитивизма была не способна надолго удержать философскую эпоху бытия как сознания. Сознание утрачивало свою конкретность для того, чтобы на нем можно было выстроить безусловную систему научного знания. Поэтому от сознания было оставлено самое конкретное — его воля. К. Маркс и отчасти Ф. Ницше знаменуют философскую эпоху Новейшего времени — эпоху бытия как воли. Новая философская эпоха требует формирования нового идеала научного знания, удачно сформулированного в известном 11-м тезисе: философия должна не только постигать мир, но и изменять его. Если научное знание по своему истоку есть стремление найти неизменное основание для изменяющегося, то таким неизменным выступает теперь сама воля, формирующая реальность. Наука Новейшего времени становится наукой эксперимента, наукой лабораторий и приборов; такая наука не постигает мир, она начинает его создавать и продолжает это до сегодняшнего дня. «Виртуальная» реальность, о которой так много говорится в наши дни, — это не иная реальность, куда мы уходим время от времени; она и есть реальность, в которой мы живем. Виртуальная реальность — продолжение реальной реальности. Иначе не скажешь, поскольку само понятие реальности становится неопределенным.

Учитывая основные цели так называемой классической философии науки, возникшей уже в XX в., необходимо осознать, что и эта форма философии науки была ответом на становление новой философской эпохи. На наш взгляд, практически все вариации классической философии науки опираются на одну фундаментальную идею, высказанную еще Л. Витгенштейном и являющуюся по сути реакцией на новую парадигму постижения бытия как воли: мир — это не мир вещей, но мир фактов, причем фактов логических; однако логическому факту безразлично, где он состоится, — на Земле, на Марсе, в виртуальной реальности

или в воображении. Классическая философия науки – попытка выстроить беспредпосылочное научное знание на основе логических форм, ибо именно они в конечном итоге и остаются единственным неизменным нашей воли.

Особый вопрос состоит в том, не исчерпала ли себя к нашему времени эта последняя философская парадигма. Радикальный симптом, который склоняет к мысли о завершении философской парадигмы бытия как воли, усматривается в том факте, что воля выходит из-под контроля. Человек перестает контролировать эксперименты собственной воли, живя в такой неконтролируемой реальности, для которой у нас еще не сформирован адекватный категориальный аппарат, что ведет к очередной смене общефилософской парадигмы, а вместе с этим и к изменению отдельных философских дисциплин, в том числе и философии науки.

Итак, именно в связи со сменой общефилософской парадигмы к современной философии науки предъявляются новые требования, и этим прежде всего и обусловлен интерес к феноменологии со стороны современной философии науки. Сегодня, действительно, кажется, что больше просто не в чем найти неизменное и безусловное: ни в природе, ни в слове, ни в сознании, ни в воле. Феноменология здесь имеет своего рода преимущество, поскольку для нее реальность не связана с существованием. Феноменология работает в сфере смысла, отдавая должное любой реальности: восприятия, воспоминания, фантазии, эстетического чувства и т. д. «Феномен», который является предметом феноменологических штудий, – это и есть то, как нами формируется смысл любой реальности; но, в отличие от классических форм философии науки, которые, занимаясь этим же вопросом, абстрагировались от того, как нам дана реальность, феноменология ставит именно это во главу угла. Вместе с тем феноменология, как и все предыдущие версии философии науки, движима идеей беспредпосылочности научного знания, соглашаясь при этом на «прививку» позитивизма. Об этом свидетельствуют слова самого Гуссерля: «Если слово „позитивизм“ означает, что все науки с абсолютной свободой от каких бы то ни было предрассудков основываются на „позитивном“, т. е. усматриваемым из самого первоисточника, то тогда подлинные позитивисты — это мы»⁷. И последнее, феноменология состоялась как направление в истории философии, но не в философии науки, поэтому она является действительно постклассической версией философии науки, которую только еще предстоит проверить на ее соответствие общему идеалу философии науки.

II

Феноменологический проект Гуссерля, направленный на анализ такого феномена, как наука, разворачивался в трех измерениях. Первое измерение касалось предельно полного анализа науки как «нозматического смысла», который конституируется в нашем сознании. Второе измерение связано с историческим характером формирования этого смысла в античности и в дальнейшем развивалось в феноменологической философии учеников Гуссерля (прежде всего в концепциях М. Хайдеггера⁸ и Л. Ландгребе); читателю, сведущему в философской традиции XX в., эта идея должна быть знакома под наименованием «европоцентристский» подход к науке. Третье измерение касается попытки обнаружить предельное основание науки в феномене «жизненного мира»; эта идея также была подхвачена учениками Гуссерля (например, А. Шюцем). Во второй части статьи будет изложено первое измерение в гуссерлевском анализе науки, которое является важным для цели представления феноменологического подхода к науке.

Ведущей целью Гуссерля была идея обоснования радикальной и универсальной науки как нозтико-нозматического феномена сознания. Гуссерль, следуя за философским проектом Декарта, отвергает все имеющиеся фактические науки в качестве образца для разработки желаемой им подлинной науки. Но перед ним возникает вопрос о том, откуда проистекает

идея такой подлинной и еще только должной быть абсолютно обоснованной науки? Гуссерль отказывается принимать в качестве предпосылки какую бы то ни было логику науки или теорию науки, в отличие от Декарта, который имел образец идеальной науки, а именно геометрию (на месте аксиом геометрии в универсальной науке, задуманной Декартом, должны были выступать принципы самодостоверности чистого «Я»). Отказываясь от любого заданного традицией «нормативного идеала науки», Гуссерль предлагает как бы с нуля постепенно создавать его в философствующем сознании.

Первой данностью феномена науки, с которого начинает Гуссерль, выступает определенная интенция, именуемая им «всеобщей целью абсолютного обоснования науки». Именно эта цель должна служить мотивом, получающим шаг за шагом все более конкретную определенность. Но как же быть с этой целевой установкой, каким образом она сама поддается прояснению? Чтобы не впадать в противоречие, Гуссерль, приостановивший значимость всех фактических наук, предлагает подвергнуть сомнению также и саму всеобщую идею науки и рассматривать её лишь в качестве определенной претензии сознания, регулятивного принципа, лишь мотивирующего наше сознание.

Феноменология науки Гуссерля начинается с прояснения находящейся в неопределенной всеобщности идеи науки. Ее прояснение ни в коем случае не может означать формирования некоего понятия науки на основе абстрагирующего обобщения наук частных. Науки как факты культуры и науки в подлинном смысле слова — это не одно и то же, поскольку всякая наука сверх своей фактичности несет еще и некую претензию, которая как раз и не может быть исчерпана никакой фактичностью: «Именно в этом притязании заключена наука как идея — идея подлинной науки»⁹. Поэтому первое, что необходимо сделать, — это «вжиться» в самое стремление, в научную интенцию, которая присуща всякой науке, дабы понять, чего же она в конечном счете хочет добиться; и все для того, чтобы впоследствии усмотреть конститутивные моменты, присущие всеобщей идее подлинной науки.

Для анализа идеи науки необходимо также провести разграничение в выносимых сознанием суждениях, они бывают непосредственными и опосредованными. Последние отмечены смысловой соотнесенностью с другими суждениями, которые как бы «предполагаются» и лежат в основе опосредованных суждений (т. е. отмечены характером «веры», присутствующей в них). Для реализации задуманного Гуссерлем проекта подходят только суждения непосредственные, связанные с обосновывающей деятельностью сознания. Однако что же может быть критерием их удостоверения? Речь об обосновывающих суждениях вынуждает Гуссерля считать их критерием переживаемую в сознании «очевидность». В подлинном обосновании всегда выказывает себя «правильность», «согласованность», т. е. верное обоснование есть согласованность суждения с «самим» положением, высказываемым в суждении (с самой вещью или с самим положением вещей). Еще точнее, акт суждения есть некое полагание или в широком смысле простое предположение, что нечто таково. Поэтому суждения суть не что иное, как простые «полагания», однако среди последних встречается особого рода судящее полагание, называемое очевидностью. На месте только подразумеваемой вещи в простом полагании в очевидности вещь предстает в качестве «ее самой».

Именно здесь становятся явными особенности целеполагающей идеи, руководящей всей научной деятельностью: ученый хочет не просто выносить суждения, но и обосновывать их суждения, он не хочет признавать ни за каким суждением характер научного познания до тех пор, пока оно не будет совершенно обосновано, т. е. приведено к очевидности. Конечно, фактически это может осуществляться не всегда, оставаясь исключительно устремлением, но в любом случае в этом заключена некая идеальная цель.

Продвигаясь таким путем, Гуссерль выделяет *универсальность*, заложенную в идее науки. Идея науки исходит из полного обоснования, и этот ее универсализм является не чем

иным, как ведущей идеей всякой науки, как бы ни обстояло дело с ее фактической осуществленностью. Очевидность в широком смысле есть опыт о сущем, более того, опыт о таком-то и таким-то образом устроенном сущем. Очевидность касается любого опыта в обычном смысле этого слова, но если повседневная очевидность может быть относительной, то в идее науки заложена совершенная очевидность (чьим коррелятом выступает подлинная истина); если для повседневной жизни достаточно относительных очевидностей и истин, то наука ищет истины, которые должны оставаться всеобщими и значимыми всегда.

Посредством такого «вживания» во всеобщность научного стремления Гуссерль начинает раскрывать содержание идеи подлинной науки, и это несмотря на то, что он не имел заранее никакого научного идеала, не следовал никакой логике науки, хотя и не отрицал, что вполне возможно, что результатом его размышлений выступит нечто подобное логике. Гуссерль фиксирует первый методический принцип своего подхода к феномену науки следующим образом: «Я, как начинающий философ, следуя своему стремлению к презумптивной цели — подлинной науке, не могу допустить или оставить в силе ни одного суждения, которое бы не было почерпнуто мной из очевидности, из *опытов*, в которых соответствующие вещи и положения вещей предстают передо мной как *они сами*»¹⁰. При этом, разумеется, необходимо, во-первых, исследовать, до какой степени простирается сфера очевидного, до какой степени очевидное совершенно или соответствует действительной самоданности вещей или положений дел, и, во-вторых, поскольку науки стремятся к предикациям, которые выражали бы в совершенном и очевидном совпадении допредикативно усмотренное, необходимо обращать внимание и на эту сторону научной очевидности, как с необходимостью входящей в только еще формируемый «нормативный методический принцип очевидности».

Но чем бы мог помочь этот принцип, если бы он не был способен дать некое подручное средство, дающее нам возможность приведения идеи подлинной науки в фазу ее действительного осуществления? Поэтому, по Гуссерлю, если мы хотим перевести идею подлинной науки в практическую плоскость, должны быть найдены очевидности, которые были бы отмечены такого рода практическим призванием (выражающим возможность построения науки как системы подлинных познаний, т. е. познания систематического). Понятно, что очевидность, требуемая наукой, связана с идеей совершенства, однако под вопросом остается, достижима ли она на практике в принципе.

Гуссерль настаивает на том, что помимо адекватной очевидности, которая, по-видимому, никогда не может обладать абсолютно совершенным характером, при построении нозматического смысла науки речь может идти и о совершенстве более высокой ступени, связанной с идеей аподиктической очевидности. Аподиктичность означает несомненность в совершенно определенном и своеобразном смысле. Всякая очевидность есть постижение самого сущего в модусе «оно само», в модусе полной достоверности, исключающей всякое сомнение. Конечно, не исключается и возможность того, что то, что сейчас является очевидным, позднее станет сомнительным, бытие обратится видимостью. «Аподиктическая же очевидность обладает однако той замечательной особенностью, что она не только вообще удостоверяет бытие очевидных в ней вещей или связанных с ними обстоятельств, но одновременно посредством критической рефлексии раскрывается как простая немыслимость их небытия»¹¹. То есть аподиктическая очевидность с самого начала исключает всякую возможность сомнения.

Здесь стоит вспомнить картезианский принцип абсолютной несомненности, только на основе которого может быть выстроена подлинная наука. Открытие аподиктической очевидности позволяет Гуссерлю предположить, что найдено действительное начало для размышлений об идее подлинной науки. Очевидность, лежащая в основе всяких других очевидностей, должна быть аподиктической; даже если очевидность неадекватна, то по крайней мере она должна обладать аподиктическим содержанием, «неким бытийным содержанием, которое благодаря его аподиктичности» является всегда абсолютно несомненным¹².

Как уже было отмечено, Гуссерль не являлся философом науки в классическом понимании этого направления в философии, о чем свидетельствует и применимость тех результатов, к которым он пришел, анализируя феномен науки. Целью Гуссерля было создание новой философии, которая вместе с тем обладала бы статусом науки. Таким образом, Гуссерль на основании феноменологического подхода к феномену науки пытался создать новую науку, которая соответствовала бы требованиям нозматического смысла науки вообще.

Однако было бы неверным полагать, что феноменологический анализ нозматического смысла науки был первым шагом Гуссерля в его философском проекте. Обращение к теме науки — довольно позднее решение Гуссерля, которое обусловлено прежде всего его критическим отношением к своим ранним философским построениям. Феноменология науки Гуссерля сопутствовала второму этапу построения феноменологии, который он сам обозначил как «трансцендентальный» поворот. В этом также и решительное отличие гуссерлевского проекта от классических анализов науки в XX в.: если последние ориентировались на фактические науки и их достижения (особенно в области естествознания), то Гуссерль, проделавший кропотливую работу при описании феноменов сознания, столкнулся с проблемой соответствия тех достижений, к которым пришел он сам, — к идеалу научного познания. Именно критическое отношение Гуссерля к ранним построениям на предмет их соответствия подлинной научной установке и привела его к вопросу о статусе научного познания. В своей поздней работе «Картезианские размышления» Гуссерль приходит к выводу, что его философский проект должен быть выстроен заново, теперь уже соответственно идеалу научности. Вот почему гуссерлевский анализ науки как нозтико-нозматического смысла, во-первых, не выводим ни из какой фактически имеющейся науки (как из области естествознания, так и из области так называемых наук о духе), во-вторых, не исчерпывается анализом науки как социального института и, в-третьих, не тождествен описанию науки как вида психической деятельности человека.

Безусловно, мотивы Гуссерля, взявшегося за анализ феномена науки, могут быть названы трансцендентальными. Однако если Кант, основоположник трансцендентальной философии, видел в качестве своей цели определение границы нашего познания мира, то Гуссерль хочет определить границы нашего познания самих себя, т. е. «Я», причем «Я» не психологического, а «Я» чистого, трансцендентального. Проект Гуссерля — это проект «критики трансцендентального опыта самопознания», который должен начинаться с анализа понятия науки. Но этому «научному» этапу должна предшествовать фактически проведенная работа в области описания сферы сознания. На предварительном этапе, подобно естествоиспытателю, необходимо описывать то, что открывается в опыте чистой субъективности, т. е. собирать конкретный материал. Этому соответствует процедура наблюдения в естественных науках. И только на следующем этапе предпринимать «критику», т. е. ставить вопрос о границах нашего познания чистой субъективности. Второй этап, по сути, и есть гуссерлевская философия науки, возможный только после первого этапа — дескриптивного описания сферы самопознания. Первый этап осуществляется Гуссерлем в двух фундаментальных работах — «Логических исследованиях» и «Идеях к чистой феноменологии и феноменологической философии», второй этап начинается с «Картезианских размышлений» и получает различное развитие в «Формальной и трансцендентальной логике» и в «Кризисе европейских наук и трансцендентальной феноменологии». Таким образом, в ранний период Гуссерль пытается выстроить науку об опыте самопознания и затем приходит к пониманию, что выстроенную им науку следует ограничить, поставив вопрос о сфере ее применимости к опыту самопознания. Это приводит Гуссерля к необходимости разработать вопрос о нозматическом смысле науки как особом феномене сознания.

III

Было бы неверным полагать, что феноменологический проект, предложенный в свое время Э. Гуссерлем, возможность интеграции которого в философию науки появилась в наше время, исчерпывает собой область феноменологии науки. Феноменологию науки нельзя ограничивать исключительно феноменологической методологией Гуссерля, ее необходимо понимать как часть философии науки, занятой прояснением *идеи* науки. В третьей части статьи остановимся на этом более подробно.

Если обратиться к существующему ныне членению философии науки, то она делится на *историю науки, теорию науки и историю философии науки*. Это разделение философии науки по ее предмету, конечно же, весьма условно, но, только проведя его, мы в состоянии понять, что различие философских подходов к такому феномену, как наука, гарантируется не только многосложностью самой науки и ее фактическим состоянием на сегодняшний день, но и различием в позициях философов, приступающих к анализу. По-видимому, современная философия науки упускает из виду эту разницу в философских подходах к науке, сводя предмет собственных исследований исключительно к *фактически* существующим наукам.

Наше предположение состоит в том, что философия науки может существенно расширить предмет исследований, обратившись к имевшим место в истории философии проектам анализа науки. Еще в философии И. Г. Фихте можно обнаружить тезис о том, что всякое философское исследование о науке (в его терминологии — «наукоучение») должно быть применимо не только к фактически состоявшимся наукам, но вообще ко всем наукам, на которые когда-либо отважится человеческий разум¹³. Эта идея Фихте более чем актуальна в отношении современной философии науки, она означает, что философия науки не есть дисциплина, возможная исключительно как реакция философского сообщества на текущие изменения в корпусе наук, ведь в таком случае философия науки по определению носила бы вторичный (по отношению к позитивному научному знанию) характер.

Если философия науки хочет оставаться философией, то она должна подразумевать под собой и в определенном смысле ориентироваться на изначальную претензию философского знания как такового: претензию на универсальность и всеобщность. Последнее не исключает того, что от конкретных и уже фактически состоявшихся наук и происходящих внутри них изменений следует отказаться вовсе. Всем этим занимается философская теория науки. Предмет ее интереса — последние изменения в научном знании и их философское обобщение. Наряду с ней история науки ставит вопрос о том, почему эти фактические изменения в науке оказались вообще возможными, как открытия в одной научной области влияют на дальнейшее развитие других научных областей знания; сюда же относится и вопрос о том, каково отношение философии к другим наукам, а также о влияниях, оказываемых философией (но уже как состоявшейся к какому-то определенному периоду) на другие науки и последних на философию. Но, кроме всего прочего, главную свою миссию философская история науки должна видеть в анализе вопроса о том, возможна ли единая история научного знания (с учетом всех изучаемых ею взаимовлияний внутри всего корпуса частных наук). Еще одной дисциплиной философии науки является история философии науки, которая фиксирует результаты, достигнутые философами науки. История философии науки имеет также позитивную направленность, поскольку она, анализируя текущие результаты, следит одновременно за тем, чтобы не были незаслуженно забыты отдельные достижения, могущие послужить в будущем для философии науки как целого.

Однако помимо этих трех дисциплин в философии науки существует (или должен существовать) также раздел, занимающийся идеей науки вообще, т. е. идеей научности. Исследовательский интерес этой дисциплины ориентирован на анализ того, как вообще возможно научное знание, т. е. чем конкретно характеризуется такая человеческая деятельность, кото-

рую мы на основании особых характеристик причисляем к области именно научной деятельности. Сегодня нам только кажется, что этот вопрос устарел или слишком очевиден. На деле, мы не в состоянии вразумительно ответить на него, считая научной деятельностью либо то, что подтверждается культурной традицией (т. е. осуществляется в особых учреждениях культуры), либо то, что сводится к владению особой техникой мышления и выражения его результатов (в последнем случае научная деятельность отождествляется с логикой). Феноменология науки и есть дисциплина в рамках философии науки, предметом которой является анализ идеи науки. Частным примером такого анализа является описанный феноменологический подход Гуссерля к феномену науки.

Обратим внимание на одно высказывание Куайна, важного для понимания предмета философии науки, смысл которого сводится к тому, что философия науки, не претендуя на то, чтобы быть всей философией, тем не менее представляет собой вполне «достаточную философию»¹⁴. В этом высказывании классика логики и философии науки интересен факт самой его возможности в рамках философского дискурса. Как возможно данное высказывание, если любой представитель профессионального сообщества философов отдает себе отчет в строгом дисциплинарном разграничении в области так называемого философского знания? На первый взгляд кажется противоречивым, чтобы мыслитель, занимающийся философией науки и осознающий при этом, что наряду с данной дисциплиной в рамках философии есть ряд других самостоятельных областей для исследования, имеющих в том числе и четко зафиксированный институциональный характер, выносил суждение о том, что философия науки является «достаточной» философией. Что имел в виду Куайн? По нашему мнению, слова Куайна подтверждают, во-первых, претензию философии науки на универсальный характер ее предметного интереса и, во-вторых, указывают на принципиальную возможность плюрализма в философии науки, незамкнутость ее на каком-то определенном методе, будь то логический позитивизм, синергетика или феноменология.

В первой части статьи отмечено смещение общеполитического интереса в истории западноевропейской культуры. Философия науки есть одно из следствий трансформации основной установки философского знания. Если античная мысль ориентировалась на вопрос о том, что есть *сущее* как таковое, понимая под сущим сначала природу, а затем в эпоху средневековья — природу божественного, то Новое время привносит с собой радикально иную парадигму, поскольку ставит под вопрос возможность постижения сущего посредством человеческого мышления. Для Нового времени актуальным стал вопрос о том, как мы *мыслим* то, что есть сущее, т. е. предмет философии смещается с вопроса о сущем к вопросу о границах нашего мышления о нем. Декарт, Бэкон и Кант предлагают нам три возможности решения вопроса о способности нашего мышления постигать сущее. Но и вопрос о границах мышления выводит философию в конечном итоге к парадигме Новейшего времени, когда проблемой становится уже не возможность мышления о сущем, но способность субъекта выразить результаты своей мысли. Парадигма Новейшего времени заключена в вопросе, как мы *выражаем* то, что мы мыслим о том, что есть сущее. Философия науки в ее классическом виде — это реакция на соотношение мыслимого и выражаемого.

Классическая философия науки полагает, что результаты, к которым мы приходим, анализируя природу выражения (т. е. выстраивая универсальную логику пропозиций), применимы и к возможностям человеческого мышления как такового. При этом, однако, забывается, что универсализм логики выражения по определению носит ограниченный характер, поскольку выстраивается лишь в границах того мышления, для которого ранее философия смогла найти рациональное обоснование, как и еще ранее она сделала предметом мысли только то сущее, которое соответствовало нашей возможности мыслить. Неудивительно поэтому, что современная наука, осознавая свой ограниченный универсализм, пытается наладить диалог с

еще недавно казавшимися недостойными упоминания в рамках научного дискурса религией, искусством, мистицизмом и т. д.

Обозначая феноменологию науки в качестве неклассической или постклассической философии науки, скажем, что она в состоянии внести свой вклад в такой диалог. Имеется в виду лишь то, что, в отличие от классической философии науки, которая, работая в рамках соотношения мышления и выражения, ставит во главу проблему выражения, феноменология науки поступает прямо противоположным образом. Задача феноменологии науки – показать границы человеческого мышления в создании им идеала научного познания, так называемой научности. Проект Гуссерля в этом отношении является лишь одним из предложенных вариантов решения этой задачи и не исчерпывает всей сферы феноменологии науки. Гуссерлевская феноменология науки пытается решить эту задачу посредством ответа на вопрос, как возможны объективирующие акты сознания? Речь идет о том, что наука есть одна из форм человеческой рациональности, основанная на переживании объективирующих актов сознания, над которыми надстраивается комплекс региональных наук, а затем и наука как социальный и культурный феномен, но не наоборот. Проект Гуссерля, как и любая другая феноменология науки, работает в сфере обоснования идеи науки и границ этого обоснования в рамках имеющейся рациональности.

В заключение отметим, что речь об универсальном характере философии науки не имеет смысла, если предмет философии науки не будет дополнен или ориентирован на дисциплину, занимающуюся идеей научности как таковой, в рамках которой философии науки только и остается возможность подтвердить свою претензию на универсализм.

Summary

The article aims to explain the notion «phenomenology of science». It is shown that phenomenology of science is an important part of philosophy of science, whose object is the idea of science.

¹ Husserl E. Ideen zu einer reinen Phänomenologie und phänomenologischen Philosophie. Bd 3. Die Phänomenologie und die Fundamente der Wissenschaften / Ed. by von M. Biemel. Den Haag, 1952.

² Из этой работы Гуссерля переведены на русский язык первые 12 параграфов, опубликованные в 1992 г. в журнале «Вопросы философии».

³ Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Т. 1. Общее введение в чистую феноменологию / Пер. с нем. А. В. Михайлова. М., 1999. С. 52.

⁴ Husserl E. Op. cit. Bd 1. Den Haag, 1954. S. 22.

⁵ Здесь использованы идеи о системе философских эпох, предложенные профессором кафедры истории философии Санкт-Петербургского университета К. А. Сергеевым.

⁶ Платон. Тезет / Платон. Собр. соч.: В 4 т. М., 1993. Т. 2.

⁷ Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии... С. 55.

⁸ См. об этом подробнее: Bast R. Der Wissenschaftsbegriff Martin Heideggers im Zusammenhang seiner Philosophie. Stuttgart, 1986.

⁹ Гуссерль Э. Картезианские размышления. СПб., 1998. С. 60.

¹⁰ Там же. С. 66.

¹¹ Там же. С. 70.

¹² См. об этом подробнее: Разеев Д. Н. Значение очевидности в феноменологии Гуссерля // Между метафизикой и опытом. СПб., 2001.

¹³ «Наукоучение должно бы было быть наукой всех наук. Отсюда прежде всего возникает вопрос: как оно может поручиться, что обосновываются не только науки известные и до сих пор изобретенные, но и все могущие быть изобретенными и возможные и что этим исчерпана вся область человеческого знания?» (Фихте И. Г. О понятии наукоучения // Фихте И. Г. Собр. соч.: В 2 т. СПб., 1993. Т. 1. С. 34).

¹⁴ «Философия науки — это, конечно же, не вся философия, но это — вполне достаточная философия» (Философия о предмете и субъекте научного познания / Под ред. Э. Ф. Караваева, Д. Н. Разеева. СПб., 2002. С. 7).

Статья поступила в редакцию 22 октября 2003 г.